

III

Лев III и иконоборчество армянских монофизитов

[к стр. 416]

Поиск монофизитских корней византийского иконоборчества был на какое-то время прекращен после появления известной статьи Себастьяна Брока: S. Brock, *Iconoclasm and the Monophysites // Iconoclasm. Papers Given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975* / Eds. A. Bryer, J. Herrin (Birmingham, 1977) 53–57. Автор дал ясно понять, что иконоборчество не следует ни из монофизитской догматики, ни из практики монофизитского благочестия. В таком случае, известное уже и в то время иконоборческое движение VII века в Армении (о нем см. гл. III.3, раздел 1.4.2, с. 427; см. также наиболее полный обзор источников в их церковно-историческом контексте: M. van Esbroeck, *Der armenische Ikonoklasmus // Oriens Christianus* 87 (2003) 144–153) следовало считать чем-то маргинальным, тем более, что никаких данных о связях этого движения с иконоборчеством в Византии не было. Однако такую связь все же обнаружил М. ван Эсбрук. Об этом см.: M. van Esbroeck, *Le discours du Catholicos Sahak III en 691 et quelques documents arméniens annexes au Quinisexte // The Council in Trullo Revisited* / Ed. by G. Nedungatt, M. Featherstone (Roma, 1995) (Kavoviká, 6) 323–454; ИДЕМ, *La politique arménienne de Byzance de Justinien II à Léon III // Studi sull'Oriente Cristiano* 2.2 (1998) 111–120; см. также, для более полного представления об эпохе и ее богословских источниках, две публикации из посвященного памяти М. ван Эсбрука тома: *Universum Hagiographicum. Méorial R. P. Michel van Esbroeck, s. j.*

(1934–2003) [*Scrinium* 2 (2006); в печати]: M. van Esbroeck, *L'alternance politico-religieuse de Justinien II à Léon III* (посмертная публикация доклада 2001 г.) и V. Baranov, *Unedited Slavonic Version of the Apology on the Cross and on the Holy Icons Attributed to Patriarch Germanus of Constantinople* (CPG 8033).

Оказалось, что позиция официальной Армянской церкви времен второй унии с Византией (Константинопольский собор 689/690 гг., католикос Саак III Дзоропоречи (678—ок. 703); о нем см. гл. III.2, раздел 2.2, с. 294–295) претерпела существенные изменения по сравнению с ее же позицией времен Каринской унии 633 г.

Католикос Саак вновь принял халкидонитское учение о двух природах Христа, впрочем, подневольно (в Константинополь он был доставлен в качестве пленного), и уже в 691 г. издал догматическое послание против этого учения, написанное с позиций афтартодокетизма (без упоминания Юлиана, но также и без актистизма). Заодно он вернулся и к исповеданию единой воли и единой энергии во Христе, что тогда уже, разумеется, имело характер протеста против официального исповедания Константинополя. В то же время, Саак воздержался от прямых упоминаний и эксплицитного осуждения обоих важных для Юстиниана II соборов—и Халкидонского, и Константинопольского (Шестого Вселенского). Затем, в 693 г., Саак собрал, по повелению все того же императора, новый собор армянских, а также грузинских и албанских епископов в Карине (Феодосиополе), где были приняты постановления по всем вопросам, затронутым на Трульском соборе в связи с армянскими обычаями; впрочем, не было принято никаких постановлений, касающихся догматов. Всё, что Трульским собором запрещалось, Каринский собор разрешил,—и это было сделано с разрешения императора и привело к конфликту между императором и Константинопольским патриархом того времени Каллиником I (693–705).

Итак, повторное объединение Константинопольской церкви с армянами при Юстиниане II стало унией в самом внешнем смысле этого слова: армянам было вменено в обязанность евхаристическое общение с греками и запрещено помянуть недобрым словом Халкидон и Константинопольский собор 680–681 гг., а также соборно принимать свои собственные догматические постановления. Во внутренних же вопросах как обрядов, так даже и догматов их предоставили собственной воле.

Вскоре выяснилось, что Саак удержал от армянских актиститов VII в., пробывших у церковной власти, без малого, полстолетия, от-

рицание любых священных изображений, кроме креста. Фактически, в Армении того времени сосуществовали разные традиции отношения к иконам, и даже среди самих актиститов не было полного единства в иконоборчестве (одни отрицали также и почитание креста, а другие его допускали).

В качестве послесловия к длинному догматическому посланию католикоса Саака армянская рукописная традиция сохранила его более позднее самостоятельное произведение—специальное увещание, обращенное к куропалату (военному губернатору, назначенному византийским императором) Смбату Багратуни, тогда, около 693 г., только что вставшему во главе Армении. Оно стало восприниматься как богословское завещание Саака, очень почитавшегося в Армении еще при жизни, а после смерти и тем более почитавшегося во святых.

Увещавая Смбата статью для всей Армении хранителем веры святых отцов, в качестве второго по важности признака правости этой веры (после исповедания одной природы во Христе и отвержения *Томоса* Льва, теперь уже названного по имени, хотя все равно без прямого упоминания Халкидона) Саак называет уклонение от свойственного только «язычникам» и «еретикам» почитания каких-либо изображений, кроме креста. В частности, он пишет: «...оставайся всегда непреклонным в истине и не растлевайся их [т. е. «всех тех, кто разрушает Предание святых отцов»] иконопоклонством и всем прочим, ибо Бог даровал нам в качестве образа (иконы) для поклонения крест Божий, чтобы мы поклонялись Богу посредством святого креста, как и все христиане и святые отцы от апостолов вплоть до наших дней. Ведь Сам Бог запретил всякий другой образ (икону), сказав: *Какое подобие ты видишь во Мне?* (ср.: Ис. 40, 18)...»

После ряда военных неудач куропалат Смбат, получив на это разрешение императора Юстиниана II, пребывал на покое в городе Поти в Мингрелии (приблизительно, с 704/705 до 710/711 г.). В этот же период (после 705 или 707) император Юстиниан II посылает в соседнюю область (то ли в Аланию, то ли в Осетию) военную экспедицию, возглавленную спафарием Львом, который тогда опирался, главным образом, на поддержку армянских нахараров (князей), среди которых Смбат Багратуни все еще оставался лидером. После свержения Юстиниана (711) спафарий Лев включается в борьбу за императорский престол, вновь опираясь именно на армянских нахараров. Так он становится императором Львом III в 717 г. Тот факт, что в 711 г. еще по указанию Юстиниана Смбат Багратуни был анафематствован

в Константинополе именно за свой антихалкидонизм, хотя и повлекший политическое последствие в виде сдачи Поти арабам (причем эта анафема стала провозглашаться ежегодно на Пасху), как видно, не отразился на личных отношениях Смбата и Льва.

По отношению ко Льву Смбат Багратуни должен был быть, по меньшей мере, чем-то вроде старшего товарища, а сам он, в свою очередь, был духовным сыном католикоса Саака. К соображениям М. ван Эсбрука можно добавить, что Смбат Багратуни Бюратян, о котором здесь речь, оставался в живых до, приблизительно, 726 г., то есть до начала иконоборческой политики Льва III.

По всей видимости, предположение М. ван Эсбрука убедительно в той части, в которой оно делает иконоборчество при одновременном культе креста, столь характерное для Льва III, приемлемым для двора этого императора. Здесь вполне могло быть достаточно личного влияния Смбата Багратуни и связанной с ним среды близких ко Льву армянских нахараров. Но для церковной политики в целом этого достаточно быть не может. Требовалось еще и «вписать» иконоборчество в традиции собственно византийского (а не армянского) богословия.

В свете главного вывода В. А. Баранова и автора этих строк о том, что византийское иконоборчество продолжало традиции византийского оригенизма образца VII века, вопрос, поставленный работами М. ван Эсбрука, можно сформулировать следующим образом: как именно происходила встреча этих традиций с пришедшим из Армении иконоборчеством в эпоху Льва III?—Это тема будущих исследований.